

Н. И. МИЛЮТЕНКО

Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни (к истории Смоленской литературы XII в.)

Хранящаяся в Киеве в ЦНБ Украины (№ $\frac{370\Pi}{155}$) минея на мартовскую половину года составлена из житий православных и некоторых католических святых в украинских переводах.¹ Рукопись содержит неизвестный еще текст — рассказ о чудесном прозрении в монастыре Бориса и Глеба на Смядыни племянников Всеволода Большое Гнездо, ослепленных им в 1177 г.

Святые князья-мученики Борис и Глеб, убитые своим старшим братом Святополком в 1015 г., раньше поминались русской церковью трижды: 2 мая — память о перенесении мощей в 1115 г., 24 июля — память обоих братьев, 5 сентября — память Глеба. В Киевской минее под 24 июля содержится «Сказание о убиении святых страстотерпцев российских князей Бориса и Глѣба» (редакция Анонимного сказания о Борисе и Глебе), а под 2 мая — текст, озаглавленный «О пренесении мощей святых мученик российских князей Бориса и Глѣба, въ святомъ крещении Романа и Давыда». Основа последнего — «Сказание чудес Романа и Давыда».² Заимствованный отсюда фактический материал был полностью перекомпонован и дополнен рассказом о чудесном прозрении Ростиславичей на Смядыни. В «Сказании чудес...» в хронологической последовательности рассказывалось о перенесении мощей и чудесах, происходивших с первой половины XI в. до 1115 г. Такая последовательность изложения свойственна всем древнерусским спискам памятника, в том числе в составе Великих Миней Четьих митрополита Макария, куда он был включен в XVI в. В рассказе «О пренесении...» в Киевской минее сначала пишется об истории всех храмов Бориса и Глеба, построенных в Вышгороде; потом о перенесении мощей (их было три: при Ярославе Мудром, при его сыновьях в 1072 г., при его внуках в 1115 г.); затем присоединен рассказ обо всех чудесах. В него не входит только «Чудо 3-е» «Сказания», происшедшее на литургии при освящении Ярославова храма. Нумерации чудес в отличие от «Сказания» в Киевской минее нет, и только добавленное чудо с Ростиславичами озаглавлено: «Чудо 7 святых мученикъ, которое стало в церкви святоу». Если бы составитель следовал порядку, принятому в «Сказании чудес...», то ему следовало бы считать его восьмым. Так как рассказ о чуде во время

¹ Рукопись датирована кон. XVII—нач. XVIII в. См.: Петров И. И. Описание рукописных собраний, находящихся в Киеве. М., 1897. Вып. 2. № 370.

² Окончено в 1115 г., встречается только в соединении с Анонимным сказанием. Подробнее см.: Дмитриев Л. А. Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников. Вып. 1.

литургии оторван от общего повествования о чудесах, то чудо с Ростиславичами действительно оказывается седьмым по счету.

В Киевской минее мы находим украинский перевод памятника, древнерусский текст которого содержится в сборнике F.XVII.14. (ГПБ) из Мгарского монастыря (в совр. Полтавской обл. Украины). Сборник содержит Густынецку летопись и подборку житий первых русских святых: «Иоанна младенца с отцом его варягомъ» (sic), княгини Ольги (типа Жития из Степенной книги), а также «Сказание о убиении святыхъ славныхъ страстотерпцевъ российскихъ князей Бориса и Глеба, въ святомъ крещении Романа и Давыда, и о пренесении чесныхъ мощей ихъ, и о чудѣсѣхъ отчасти».

Все характерные отличия Борисо-Глебских текстов в Киевской минее (далее — *К*) от Анонимного сказания и «Сказания чудес...» свойственны и Мгарскому списку (далее — *М*). Сравнение показывает, что первоначальный вид текста сохранился в *М*, а для Киевской минеи он поделен на две части. Одна из них, рассказ об убиении, помещена под 24 июля, а вторая, рассказ о чудесах, — под 2 мая. Сходны заголовки рассказов о перенесениях и их первые строки:

М

О двоём перенесении мощей святых мученикъ Бориса и Глѣба и о чудесѣхъ, бывающихъ от святыхъ мощей ихъ.

По времени некоемъ попущениемъ Божиимъ случися возгоретися церкви святого Василия в городѣ Вышегородѣ [гдѣ лежали честные и чудотворные мощи святыхъ мученикъ Бориса и Глеба]...

К

В той же день о пренесении мощей святых мученикъ российскихъ князей Бориса и Глѣба, в святомъ крещении Романа и Давыда.

По лѣтахъ некоторыхъ з допущения Божьего трафилося в мѣстѣ Вышгороде загорѣтися церкви святого Василия [где лежали честные и чудотворные мощи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба]...

В *М* начало рассказа о чудесах понятно, так как он является частью большого текста. В *К* оно неудачно для отдельного рассказа. Вспомним, что в «Сказании чудес Романа и Давыда» повествованию предшествовало вступление — похвала святым. В *М* оно опущено, а составитель Киевской минеи не стал его восстанавливать по первоначальной редакции. По сравнению с *К* в *М* есть еще один промежуточный заголовок после рассказа о перенесениях мощей: «О чудесах, бывающих от святых мученикъ Бориса и Глеба». Чудеса вплоть до третьего имеют в *М* киноарные номера на полях: «чудо а̅» и т. п. Начиная с четвертого, ни номера на полях, ни киноарные буквы в тексте не вписаны. Нет и отдельного заголовка у седьмого чуда, но для него оставлены две с половиной строки. Очевидно, в протографе *М* заголовок был длиннее, чем в *К*. И в *К*, и в *М* есть тексты, выделенные квадратными скобками, расположение скобок в основном совпадает. Одинаково характерное сокращение слов «святые»: $\bar{C}$.

В пользу того, что текст *К* переведен с древнерусского, а не наоборот, свидетельствует то, что в нем сохранились некоторые первоначальные формы и лексемы. Например, в рассказе о седьмом чуде: «казавъ их до вязоння дати, абы ся утишили крикъ оныи людскыи» (сохранилось препозитивное положение частицы «ся»); «поки их будешъ держати» (форма, отразившая мену и-ѣ в архаическом окончании 2 л. ед. ч.); «стрый» (в *М* — дядя). Текст *К* списан не с *М*, а с их протографа.

Мгарский сборник старше Киевской минеи, по филиграммам датируется 1640—1664 гг. Филигранные: 1. рожок с литерами НК — не отождествлен; 2. рожок — Каманин, № 815, 1659—1663; 3. рыба — схожая с № 1179 (1662—1664), № 1175 (1640) по Каманину. Протограф *М* и *К* был составлен не раньше 1177 г., когда были ослеплены Ростиславичи, и не

позже середины XVII в., когда был переписан Мгарский сборник. Редактор-составитель обработал Анонимное сказание и «Сказание чудес...», объединил их в один текст и дополнил рассказом о седьмом чуде.

Далее приводится рассказ о седьмом чуде по списку М:

Князю Всеволоду Юрьевичу, внуку Володимера Мономаха, в Володимери Залѣскомъ по смерти брата своего Михаила. Вложи врагъ диаволь зависть братаничомъ его Мстиславу и Ярополку Ростиславичомъ, иже приидоша от Новагорода, позвани бывша отаи Ростовци княжити в них. И воздвигшеся ратию, поидоша на Всеволода дядю своего к Володимеру, хотяще его изгнати от отчины, себѣ же болшую власть приобрести. И снемшися обѣма полкома, и поражена быста Ростиславичи от Всеволода, идеже мнози вои ихъ избѣена быша, а сами князи сиа, Мстиславъ и Ярополкъ, яти и въ градъ Володымирь ведены быша. Над ними же Всеволод пристави стражъ, попусти имъ по волѣ ходити. Таже Володымерци видѣша князей ятыхъ не в порубѣ, приидоша на дворъ князя своего Всеволода съ оружиемъ, восклицаху, глаголюще: «Княже, держиши враги наша просты, любо казни ихъ предаи, любо ослѣпи, или намъ даи». Князь же благосердъ сын, не хотѣ имъ зла створити, но народа ради повелѣ ихъ всадити в порубѣ, дабы ся утѣшилъ мятежь людскыи. Малу же времени минувшу паки Володымерци вопияху, крычаще великому князю Всеволоду: «Выдаи намъ Ростиславичи, хочемъ бо ихъ ослѣпити». Князь же велики печалень бысть, но не може ихъ удержати. Они же разметаша порубѣ и емше Мстислава и Ярополка, и ослѣпивше, отпустиша в Русь. И тако беднии Ростиславичѣ, иже хотяху болшея славы и власти, возвратишася въ своя смиренны безъ очию. И яко доидоста до Смоленска, приидоста на Смядыны в церковь святою мученику Бориса и Глеба, бѣ бо то тогда праздникъ убиенья Глебова, сентября 5. Молящимся же имъ прилежно Богу съ великимъ умилениемъ и святыхъ мученикъ Бориса и Глеба яко сродникъ своихъ въ помощь призывающимъ, еже облегчитися имъ от болезни, гнияху бо имъ очи. И еще имъ молящимся, и се скорая помощника и заступника скорбящимъ не презрѣста моления ихъ, но ускориша имъ на помощь и благодатию Божию дароваша имъ очеса. Они же паче надежды не токмо облегчение от болезни прияша, но и очи свои абие цѣлы обрѣтше, и ясно прозрѣвше, велми прославиша Бога и Пречистую Матерь, и такожде великихъ Христовыхъ угодниковъ и мученикъ Бориса и Глѣба. И отъидоша здравы, видяще добръ, хваляще и благодаряще Бога, и святыхъ мученикъ вездѣ прославляюще, и проповедающе чудеса и дерзновение еже къ Богу, Ему же честь и держава и нынѣ и въ безконечныя вѣки вѣкомъ. Аминь.

События, о которых говорится в тексте, произошли в 1177 г. по мартовскому стилю. В рассказе о прозрении есть несколько фактических ошибок, говорящих о том, что автор не был владимирцем или новгородцем.

Из Лаврентьевской (Л.), Ипатьевской (И.) и Н1 летописей известно, что после убийства Андрея Юрьевича Боголюбского в 1174 г. ростовцы и суздальцы позвали на княжение его племянников Мстислава и Ярополка, сыновей его старшего брата Ростислава. В это время Ростиславичи находились в Чернигове вместе с двумя младшими братьями Андрея: Михалкой и Всеволодом (будущий Всеволод Большое Гнездо). По приезде ростовских послов между наследниками Андрея было заключено соглашение, по которому старейшинство получал Михалко, и все четыре князя должны были отправиться в Суздальскую землю. Ростовцы решительно воспротивились появлению младших Юрьевичей. Только после победы над ростовцами и суздальцами в июне следующего 1175 г. Михалке удалось сесть во

Владимире. Мстислав бежал в Новгород, куда за время своего короткого ростовского княжения успел посадить княжить старшего сына Святослава. Ярополк бежал в Рязань к князю Глебу, женатому на сестре Ростиславичей.

Так как в войне сталкивались не только интересы князей, но и притязания городов на главенство во Владимиро-Суздальской Руси, то болезнь и смерть Михалки в июне 1176 г. привела к новому столкновению. На стороне Всеволода выступали жители молодых городов: Переяславля и столицы, созданной Андреем, Владимира. Ростиславичей поддерживало боярство старой столицы Ростова. Мстислав действительно привел на помощь ростовцам, опять позвавшим его на княжение, новгородские войска и проиграл битву на Липице 27 июня, но в плен взят не был. Решающее сражение между Всеволодом и Ростиславичами произошло только 7 марта следующего 1177 г. В нем уже не участвовали новгородские войска, так как Мстислав был изгнан из Новгорода после поражения. Зато пришел на помощь Глеб Рязанский с сыном Романом, даже не упомянутый в рассказе о прозрении. На стороне Всеволода теперь были крупные силы: войска его давнего союзника Святослава Всеволодовича Черниговского, а тогда Киевского князя, и дружина племянника Всеволода, князя Переяславля Русского Владимира Глебовича. В бою были взяты в плен Мстислав и Глеб с Романом. Ярополк в это время находился в Рязани. Как следует из рассказа Л. и сходного с ним И., он был захвачен рязанцами в Воронеже и посажен к прочим князьям в поруб только после первого возмущения горожан во Владимире. Автор рассказа о седьмом чуде не знает ни подробностей битв, ни того, сколько их было, ни их участников. С рассказом летописей совпадает только речь владимирцев к князю и приблизительно фразы, которые ее вводят (выделены курсивом):

М

Таже Володымерци видѣвше князеи ятыхъ не в порубѣ, *придоша на дворъ князя своего Всеволода съ оружиемъ, восклицаху, глаголюще: «Княже, держиши врагы наша просты, любо казни ихъ предаи, любо ослѣпи, любо намъ даи. Князь же благосердѣ сыи, не хотѣ имъ зла створити, но народа ради повелѣ ихъ всадити въ порубѣ, дабы ся утѣшилъ мятежъ людскыи. Малу же времени минувишу, паки Володымерци вопяху, кричаще великому князю Всеволоду: «Выдаи намъ Ростиславичи, хочемъ бо ихъ ослѣпити». Князь же великии печалень бысть, но не може ихъ удержати.*

Поки ихъ будешъ держати (в К).

Л

И на третий день бысть мятежъ великъ в градѣ Володымери, всташа бояре и купци, рекуще: «Княже, мы тобѣ хочемъ и за ты головы своѣ складываемъ, а ты держиши врагы своѣ просты, а се ворози твои и наши суждалци и ростовци. Любо казни, любо слѣпи, али даи намъ». Князю же Всеволоду благоверну и богобоязнию, не хотяше того створити, повелѣ всадити в порубѣ людии деля, абы утишился мятежъ, а по Ярополка посла... *По малѣ же днии всташа опять людье вси и бояре, и придоша на княжъ дворъ многое множество со оружиемъ, рекуще: «Чего ихъ додержати? Хочемъ слѣпити и. Князю же Всеволоду печалну бывишу, не могущо удержати людии множества ради ихъ клича.*

Такое малое сходство текстов и особенно фактическое расхождение в описании судьбы Ярополка исключает непосредственное пользование Л. как источником. Возможно, что автор, которого интересовало одно только прозрение, цитировал летописный текст по памяти, не сверяясь с оригиналом.

Сложное обстоит дело с самим ослеплением и прозрением. Неоднократно высказывалась точка зрения, что ослепление было фиктивным.³ Сопоставление летописных рассказов не позволяет с этим согласиться.

На известии о выдаче Ярополка кончается сходство И. и Л. Далее в И. рассказывается о попытке Мстислава Ростиславича Торопецкого (из

³ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 107; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 220.

смоленских Ростиславичей, внуков Мстислава Великого) освободить своего тестя Глеба Рязанского и Мстислава с Ярополком с помощью Святослава Киевского, союзника Всеволода. Однако Всеволод, уже не нуждавшийся в помощи Святослава, не только не прислушался к его ходатайству, но даже послал, черниговского епископа Перфирия, заключил под стражу. 30 июня скончался в тюрьме Глеб, отказавшийся уйти из Рязани в случае освобождения, вскоре после этого был выпущен Роман Глебович. В это время Мстислав и Ярополк, как написано в И., «въ порубѣ бяста. И потомъ, изведше я и слепивше, пустиша». И. не знает о втором возмущении владимирцев, в ослеплении подразумевается инициатива князя, о которой прямо говорит НЛ: «Преставися князь Глѣбъ Рязанскыи въ порубѣ. В то же время слѣпленъ бысть Мстиславъ князь съ братомъ своимъ Ярополкомъ от строя своего Всеволода. И пусти я въ Русь».

На основании сравнения Л. и Радзивилловской летописи (Р.) исследователями неоднократно делался вывод, что первоначально во Владимиро-Суздальском летописании было известие об ослеплении Ростиславичей, которое было потом изъято.⁴ К этому следует добавить, что в своде Юрия Всеволодовича первой половины XIII в. (дошел в составе Московского свода конца XV в.,⁵ далее — МС) содержится ряд подробностей о событиях 1176—1177 гг. Возможно, что они попали в МС в составе группы известий Ростово-Суздальского происхождения через посредство так называемого свода 1448 г.⁶ (отразился в СЛ и НЛ). Сравнение летописных текстов позволяет предположить, что конец статьи в МС и является первоначальной редакцией известия во Владимиро-Суздальском летописании (выделено разрядкой):

Л

И придоша на князь дворъ многое множество съ оружиемъ, рекуше:
«Чего ихъ додержати? хотимъ слѣпнати и». Князю же Всеволоду печалну бывшю и не могошу удержати людии множества ради ихъ клича.

Р

«Чего ихъ додержати? И пустиша я изъ земли.

МС

«Чего ихъ додержати? Хотимъ слѣпнати и». Князю же Всеволоду печалну бывшю и не могошу ему удержати людии множества, но шедша, розметаша порубѣ, и емше Мстислава и Ярополка, ослѣпиша. А Глѣбъ ту умре, а тѣхъ отпустиша в Русь.

Следы первоначальной редакции сохранились в так называемой «Летописи Боголюбского монастыря»,⁷ где ослепление Ростиславичей представлено как кара Господня за разграбление ими Боголюбова зимой 1176 г.

Сомнения в факте ослепления Ростиславичей всегда вызывал только рассказ об их прозрении. Известие об этом отсутствует не только во Владимиро-Суздальском летописании, что понятно, но и в южнорусском. Но следует учесть, что текст И. по всем спискам дефектен под 6685—6688 гг. Еще в протографе выпали листы с рассказом о смерти Михалки и начале войны 1176 г. Рассказ о событиях на Юге 1177—1178 гг. отсутствует,

⁴ Приселков М. Д. История русского летописания. Л., 1940. С. 65, 85.

⁵ Насонов А. А. История русского летописания. М., 1963. С. 200—273.

⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—76, 94—99.

⁷ ЧОИДР. 1878. Кн. 1. Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1170 г.

а нормальное погодное изложение восстанавливается только с 1179 г.⁸ Краткий рассказ о прозрении есть в НЛ, откуда он был заимствован в свод 1448 г., а оттуда в МС.

Новгородский источник заслуживает доверия в изложении событий этих лет. Ростиславичи шли в Смоленск, очевидно надеясь на поддержку Мстислава Торопецкого, женатого на их племяннице и еще летом пытавшегося их освободить. После случившегося Мстислава опять приняли в Новгород, Ярополк получил Торжок, а ставленник Всеволода на новгородском столе, их двоюродный брат Ярослав Мстиславич, был перемещен в Волок Ламский. После смерти Мстислава в апреле 1178 г. новгородцы посадили у себя Ярополка. Только нападение Всеволода на Торжок и захват им новгородских гостей вынудили новгородцев отказаться от князя. Его сменили друг за другом Роман Смоленский, принявший Мстислава и Ярополка в 1177 г., а в 1179 г. — его брат Мстислав Торопецкий. Следует предполагать хорошее знакомство новгородцев с событиями 1176—1177 гг.

Особый источник — «перечни» новгородских князей (в составе НЛ по Комиссионному списку, отдельно в статьях, предшествующих НЛ по Археологическому списку).⁹ Перечни не являются простой выборкой из НЛ — в них упомянуты некоторые промежуточные княжения, пропущенные в летописи, указываются прозвища князей.

Мстислав Ростиславич, Юрьев внук, княжил в Новгороде трижды. Впервые он был посажен тут своим дядей Андреем в 1160 г. Повторное княжение было после поражения 1175 г., третье — в 1177 г., когда Мстислав был уже слеп. Об этом говорится следующим образом: «...и выгнаша Святослава и введоша Мстислава Юрьевичь внукуь Ростиславича, и ть седевь годъ от года и выведе строи волею... а по Юрьи [Андреевиче] Святославъ Мстиславичь, Юрьевъ внукуь; а по томъ отець его Мстиславъ Безокуи; а по томъ Красный Ярославъ внукуь Юрьевъ; а по томъ опять Безокуи, и ть преставися; и выведе съ Торъжку брата его Ярополка...».

Прозвище «Безокуи» дается Мстиславу только в период его последних княжений в 1175—1178 гг. Оно действительно заставляет усомниться в правдивости рассказа о прозрении, по крайней мере в отношении Мстислава. Судя по прозвищу и по тому, что он не прожил и полугода после ослепления, Мстислав Ростиславич был серьезно искалечен.

О Ярополке ничего подобного не говорится. В 1180 г. его снова посадил в Торжке Святослав Киевский, воевавший тогда со Всеволодом, чтобы освободить сына, захваченного владимирским князем в плен. Летом 1181 г., когда новгородцы воевали на Юге на стороне Святослава, Торжок был взят Всеволодом, а раненный Ярополк закованным отправлен во Владимир. После этого известия о Ростиславиче исчезают. Но в 1196 г., заключая мир с Ярославом Черниговским, Всеволод ставил условием изгнание из Русской земли какого-то Ярополка, вероятно всего, именно Ярополка Ростиславича. Судя по приведенным летописным материалам, частично или полностью зрение сохранилось только у Ярополка. Но Мстислав почти сразу умер, потому и мог появиться рассказ о чудесном прозрении двух братьев, ослепленных их старшим родственником, от мощей двух святых братьев, убитых старшим братом, князем Святополком.

Сама идея ослепления едва ли могла прийти в голову владимирским горожанам. В известных случаях расправы толпы с князьями Игорь был забит киевлянами (1146), Игоревичи в Галиче повешены (1211). Ослеплен

⁸ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 194—195, 197—200.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 162, 470—471.

был только один князь — Василько Тербовольский в 1096 г., и этот поступок вызвал всеобщее осуждение князя Святополка Изяславича, инициатора расправы. Слепление было типично византийским способом избавляться от претендентов на престол, и о нем скорее мог вспомнить Всеволод. Его мать была из Византии, сам он, изгнанный в 1162 г. Андреем из Руси, несколько лет провел там с матерью и братьями. Реакция на его поступок была прямо противоположной тому, что он ожидал: теперь даже новгородцы опять перешли на сторону Ростиславичей. Если что-то заставило Всеволода отпустить Ярополка из второго плена, то безусловно это было осуждение его прежнего поступка.

На изъятие рассказа об ослеплении повлияло и то, что позиция самого Всеволода в конфликте была не безусловной. Он был дядей Ростиславичей, но по годам был младше даже Ярополка. Ростислав Юрьевич, их отец, умер в апреле 1151 г., а Всеволод родился 26 октября 1154 г. Если Михалко предположительно мог претендовать на старшинство, то Всеволод с трудом. Этот факт объясняет, почему рассказ о прозрении Ростиславичей сохранился только в новгородских источниках, но мог сохраняться и в Смоленской земле.

Отношения Смоленска и Владимира Суздальского во второй половине XII в. осложняло соперничество из-за Новгорода.¹⁰ Именно к смоленским Ростиславичам обратились новгородцы после вынужденного отказа от Ярополка. В 1180 г. Давыд Ростиславич наследовал в Смоленске старшему брату Роману. В 1184 г. Мстислава Давыдовича позвали в Новгород княжить вместо изгнанного свояка Всеволода Ярослава Владимировича. Но в 1187 г. Всеволод сумел вернуть своего родственника назад. Эти события не улучшали отношений Ростиславичей и Всеволода. В 1188 г. наконец намечилось сближение: Всеволод выдал свою дочь замуж за Ростислава, старшего сына брата Давыда Рюрика, владевшего тогда по соглашению со Святославом половиной Киевского княжения.

Давыд Смоленский был ревностным почитателем св. Бориса и Глеба. Он перестроил храм Бориса и Глеба на Смядыни, созданный еще его отцом Ростиславом, и перенес туда в 1191 г. «ветхие раки» святых из Вышгорода. Этому событию посвящен проложный рассказ под 11 августа, оставшийся неизвестным редактору-составителю протографа К и М. То, что в тексте не упомянуто перенесение раки и присутствие их в храме, говорит о том, что рассказ о седьмом чуде возник до 1191 г. Но и в проложном рассказе не упоминается прозрение Ростиславичей. Это может быть связано как с улучшением отношений Давыда и Всеволода после свадьбы Рюриковича, так и с дефектностью списка.¹¹ Для датировки важна подчеркнутая нейтральность автора рассказа о седьмом чуде. Он осуждает Ростиславичей за стремление к большей власти, но не расценивает их ослепление как кару небесную. Ростиславичи не каются в содеянном, но получают помощь от святых. Сочувствуя Ростиславичам, он тем не менее нигде не осуждает ни Всеволода, ни владимирцев за ослепление князей. Такая объективность непонятна для человека, пишущего много лет спустя по тенденциозным письменным источникам рассказ о чуде, совершенном святыми, но это вполне понятная для современника Всеволода осторожность.

Скорее всего, рассказ о прозрении Ростиславичей был написан в Борисо-Глебском монастыре на Смядыни между 1178—1191 гг. Его бытование было

¹⁰ Алексеев Л. В. Смоленская земля... С. 265.

¹¹ Абрамович Д. И. Жития св. Бориса и Глеба. Пг., 1916. С. 111—112; Воронин Н. Н., Жуковская Л. П. К истории Смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 69—79.

ограниченным и, очевидно, не переходило границ Смоленской земли. Он мог попасть и в Россию в начале XVI в. вместе с целой серией смоленских заметок и повестей. Одна из таких подборок сохранилась в Нифонтовском сборнике из ГПБ.¹² Этим можно объяснить совпадения в описании прозрения Ростиславичей в *М* и в Тверском сборнике¹³ по сравнению с НЛ и СЛ.

В Киев рассказ о прозрении попал, очевидно, во времена Исайи Копинского, бывшего в 1628—1631 гг. номинальным епископом Смоленским, а в 1631—1632 гг. — митрополитом Киевским. Исайя был постриженником Киево-Печерского монастыря и подолгу там жил, когда был и митрополитом, и епископом. Не случайно, что оба существующих списка «Сказания об убиении» особой редакции, куда вошел рассказ о прозрении Ростиславичей, принадлежали именно этому монастырю.¹⁴ Очевидно, там же с этим «Сказанием» познакомился Димитрий Ростовский, включивший его в майский том своих Четвх Миней, вышедший в Киеве в 1701 г. Сравнение списка *М* и минейного показывает, что источником Димитрия был протограф *М* и *К*. Проложного рассказа под 11 августа он не знал, хотя в его распоряжении был какой-то смоленский пролог, на который есть ссылка как на источник сообщения о перенесении мощей Глеба первоначально в Смоленск в 1015 г. Была создана особая редакция «Сказания» с седьмым чудом в Киево-Печерском монастыре в XVII в. или раньше в Смоленске, не ясно.

¹² Сумникова Т. Л. «Повесть о великом князе Ростиславе Смоленском и о церкви»... // Восточнославянские языки и источники для их изучения. М., 1973. С. 128—147.

¹³ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15; фототипическое воспроизведение: М., 1965.

¹⁴ Миней принадлежала Киево-Печерскому монастырю, а Мгарский сборник, как следует из владельческих помет, — епископу этого монастыря Варлааму и был им завещан Мгарскому монастырю.